

РОССИЯ XXI ВЕК

исследование дилетанта

Продолжение. См. начало в № 15 нашего журнала

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭКОНОМИКА

4. БЮДЖЕТ И МАКРОЭКОНОМИКА

В прошлой главе я приводил слова польского экономиста о том, что каждый кризис содержит инструменты для его преодоления. Любой здравомыслящий человек не сможет удержаться от соблазна довести эту формулу до её логического окончания: тогда и каждый экономический подъём непременно должен содержать предпосылки следующего кризиса. Думаю, что знают об этом все экономисты подряд, но далеко не все решаются открыто об этом говорить, ибо в этом случае придётся признать, что рыночная модель ведения хозяйства не только непригодна для использования, но должна быть заменена как можно скорее. Частные случаи такой деятельности в народе принято называть «пирамидами», и они не приветствуются ни одним государством. Если же предположить, что государства понимают синусоидальную природу хозяйственной деятельности и принимают её, то тогда такие государства действуют преступно, нарушая ими же придуманные законы и правила. Исходя из этого, я считаю, что самой большой ошибкой, которую Россия сделала после распада СССР, был выбор рыночной (западной) модели экономики как основы для обновления хозяйства страны. Как западная рыночная, так и советская плановая экономические модели имеют свои позитивные и негативные стороны. Запад идёт путём рынка уже несколько столетий, и поворот к какой-либо другой форме экономической деятельности там практически невозможен без революции. Россия же имела уникальную возможность совместить лучшие черты двух

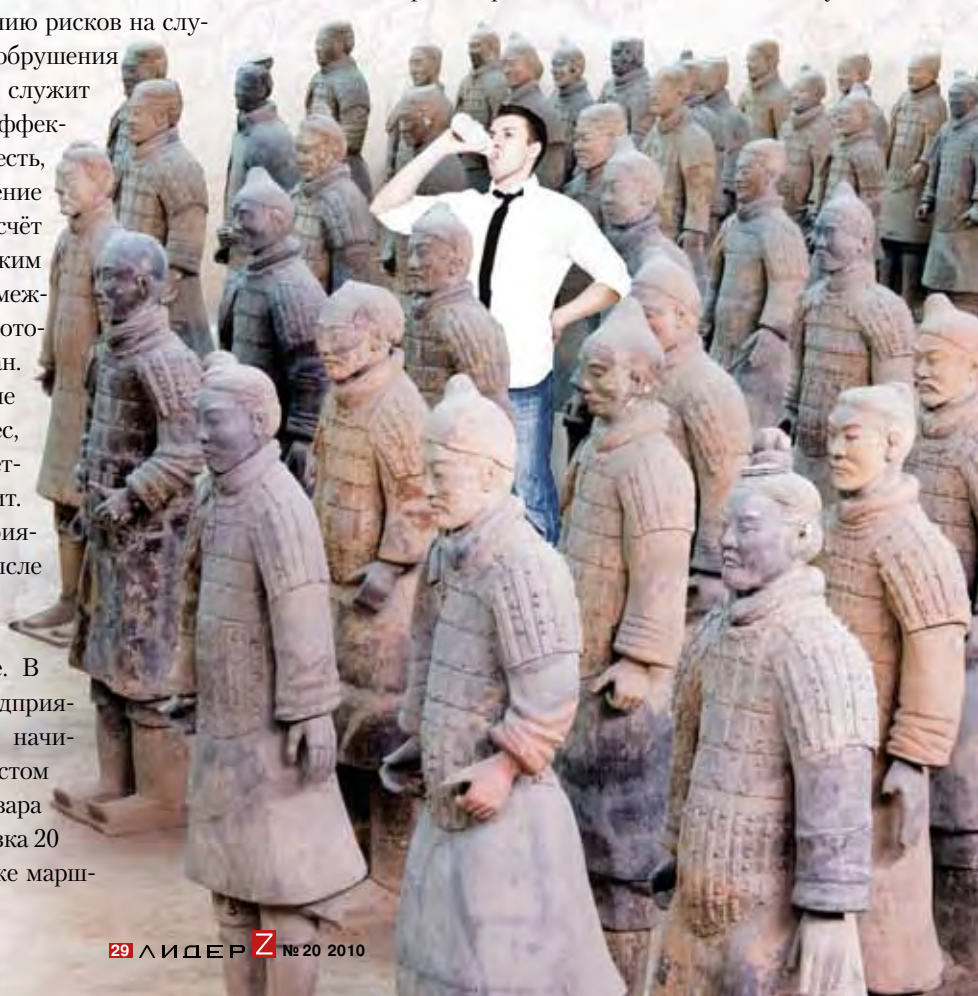
экономических моделей в одно мощное конвергентное целое. Для того чтобы убедиться в возможности и правильности подобного решения, достаточно взглянуть на Китай. При этом необходимо учесть, что у Китая никогда не было такой блестящей возможности, какая представилась России в начале 90-х. Нынешнее руководство страны в какой-то степени осознало допущенную ошибку, но принимаемые меры, к сожалению, часто слишком далеки от экономических. Обратная национализация ресурсных отраслей промышленности, увеличение доли государства в банковской сфере, образование гигантских государственных предприятий, с одной стороны, являются некоторым возвратом во времена плановой экономики, но, к сожалению, не являются теми мерами, которые необходимо принимать. Все знают, что главным достоинством рыночной экономики является её эффективность. Она необходима для быстрого развития и достижения экономической независимости как страны в целом, так и всех населяющих её граждан. Сама же она базируется на свободной конкуренции и частной собственности на средства производства. Известно, что частный собственник в среднем эффективнее управляет своим предприятием, чем государство. А конкуренция заставляет частного собственника, грубо говоря, проснувшись утром, идти на работу. О важности развития малого бизнеса я уже писал в предыдущей главе, но и средний, и частично крупный бизнес должен находиться в частных, но ответственных руках. Государство же, по моей логике, должно оставлять себе такие отрасли или хозяйственные субъекты, которые либо требуют от владельца значительных капиталовло-

жений, на которые способно лишь государство, либо являются априори непривлекательными для частного бизнеса по причине плохой прибыльности. В моей модели планово-рыночной (конвергентной) экономики частный сектор отвечает за прибыльность своих предприятий, работает эффективно и обеспечивает наполнение бюджета налогами. Задача государства взять на себя обязательство по поддержанию убыточных, но необходимых отраслей хозяйства — общественного транспорта, образовательных учреждений, милиции и т.п. К сожалению, российские власти поступают зеркальным образом, национализируя крупные прибыльные предприятия и оказывая сильное давление на мелкий и средний бизнес. Результаты такой политики уже сегодня не радуют, а будущее видится ещё более мрачным. Возникновение на этом политическом фоне госкорпораций лишь ухудшает шансы России быстро и эффективно развиваться.

Рыночная экономическая модель, вместе со всем тем хорошим, которое она несёт в себе, включает также несколько негативных черт. И, в первую очередь, это стихийность, которая неминуемо приводит к периодическим кризисам. В начале главы я писал о синусоидальной природе развития этой экономической модели. В глобальном смысле это означает, что Запад осознаёт, что построенная им модель является пирамидой, внутри которой есть небольшая часть выигравших за счёт того, что большинство всегда должно оказываться в проигрыше. Понимая это, частный бизнес стремится к уменьшению рисков на случай кризисов (частичного и полного обрушения пирамиды). Инструментом для этого служит укрупнение бизнеса через более эффективное использование капитала, то есть, увеличение рыночной доли, расширение рынков сбыта, уменьшение затрат за счёт концентрации товарооборота и т.п. Таким образом в мире появляются огромные межнациональные корпорации, обороты которых превышают ВВП отдельных стран. Всё это происходит под убаюкивающие уверения о том, что чем больше бизнес, тем эффективнее он работает, а соответственно, тем больше налогов он платит. На самом деле эффективность предприятия не является в геометрическом смысле прямолинейной функцией. Так же, как и всё остальное развитие, эффективность имеет спиралевидное строение. В какой-то момент роста крупного предприятия эффективность его деятельности начинает снижаться. Проследим это на простом примере. Перевозка одного поддона товара из пункта А в пункт В стоит Х. Перевозка 20 поддонов такого же товара по этому же марш-

руту будет стоить меньше, чем $X * 20$ и будет равна У, так как и тот и другой груз перевозит один водитель (одна зарплата), затраты на бензин примерно одинаковы и т.п. Однако, для перевозки 200 поддонов товара потребуется 10 машин, и стоимость такой перевозки будет равна $У * 10$, то есть останется прежней по сравнению с перевозкой 20 поддонов. В дальнейшем, при увеличении количества перевозимого груза, затраты могут не только перестать снижаться в расчёте на единицу, но даже начать снова расти, например, из-за сложностей организации большого количества транспорта и т.п.

То же касается персонала. На малых и средних предприятиях персонал трудится наиболее эффективно, так как контроль количества работы и качества её исполнения ведёт, как правило, сам предприниматель или доверенное лицо. На крупных предприятиях такое это невозможно. Контроль качества необходимо оплачивать, а качество этого контроля может быть чрезвычайно низким. Кроме того, малые и средние предприятия более мобильны, их реакции на изменения рынка более радикальны и быстры. Большому предприятию требуется больше времени на осознание ситуации, у большого предприятия меньше альтернатив действия в случаях негативных изменений рынка, последствия таких действий будут всегда более болезненными для тех, кто зависит от этого предприятия. Приведу пример. После окончания Второй мировой войны в Финляндии суще-

ствовавали тысячи мелких маслобоен и молочных заводов. Все предприятия были мелкими и частными. Затем, в течение двух десятилетий компания «Valio», широко известная сегодня и россиянам, скупала или разорила эти предприятия, в результате чего фирма перерабатывает сегодня 86% производимого в стране молока. В компании трудится более 4000 человек, и треть её продукции продаётся на экспорт. Казалось бы, история успешного предприятия, которым страна должна гордиться. Многие так и делают. На самом же деле, для поддержания конкурентоспособности, «Valio» в течение двадцати последних лет постоянно снижает закупочные цены на молоко, что не раз приводило к выступлениям фермеров, вплоть до разливания тонн молока перед зданием Парламента. В то же время розничные цены на молочные продукты не падают, а ежегодно растут. Заняв практически монопольное положение на рынке молочных продуктов

Финляндии, «Valio» диктует свою ценовую политику. Снижение закупочных цен на молоко поставило фермеров перед фактом: когда для поддержания рентабельности своего бизнеса они должны производить всё больше и больше молока. Перепроизводство молока, спровоцированное частной молочной фирмой «Valio», создало проблему для государства. Если молоко не будет продано, то фермеры начнут разоряться в массовом масштабе, что приведёт к де-

стабилизации в стране. Если же «Valio» купит у них всё молоко и, переработав, выбросит на финский рынок, это обрушит розничные цены, и, в конечном итоге, приведёт к разорению мест розничной торговли. Поэтому «Valio» вывозит часть произведённой продукции за рубеж, в частности, в Россию. Поскольку за пределами Финляндии продукция «Valio» не выдерживает конкуренции с местными производителями, пра-

вительство страны дотирует экспорт молочных продуктов. Получается, что финские налогоплательщики оплачивают до 30% стоимости молока, выпиваемого россиянами. Мало того, когда осенью 2010 года российские власти временно запретили ввоз молочных продуктов из Финляндии, «Valio» объявило о сокращении в связи с этим рабочих мест и закрытии двух заводов. Естественно, в этой ситуации вся страна была на стороне молочного гиганта, и президент с премьер-министром наперегонки помчались в Москву устраивать дела «Valio». Как видим, крупный бизнес не только не является эффективным, с точки зрения всех аспектов жизни страны, но наоборот, получает возможность извлекать дополнительную выгоду из своего рыночного положения и диктовать условия даже властям. Если бы «Valio» не существовало, то, объективно рассуждая, в Финляндии не производилось бы так много молока, его не нужно было бы, во что бы то ни стало, вывозить за рубеж, и цены на молочном рынке определялись бы нормальной свободной конкуренцией малых предприятий. Не было бы экспорта, во всяком случае, в таких масштабах, и связанных с ним рисков и дотаций. А в случаях кризисов, увольнение нескольких сотен сотрудников из нескольких маслобоен не ударило бы так сильно по социальным службам страны и населению, как закрытие целых заводов. Россия хорошо знакома с этой проблемой. Моногорода, построенные в советские времена, являются типичным примером неудачных экономических решений. Тем не менее, это ничему не учит российских политиков.

Изначально, после распада СССР, в стране образовалось невероятное количество частных банков. В процессе нормальных экономических отношений их количество и качество стабилизировалось к 2000-м годам. Однако нынешние власти снова сделали ставку на укрупнение и национализацию предприятий. Это привело к тому, что крупнейшими банками в России на сегодня являются государственные «Сбербанк» (доля 57,6%) и ВТБ (85,5%). Вопреки ожиданиям, порядка в банковской деятельности это не прибавило, но с другой стороны, концентрация средств граждан на счетах, например, «Сбербанка» уже привела в начале 2009 года к тому, что государство было вынуждено спасать банк от банкротства. Напомню, что «Сбербанк» является акционерным обществом, а не государственным предприятием, и доля государственной собственности в нём всего чуть больше половины. Тем не менее, государство предоставляет банку кредит на погашение долгов, что не только является вопиющей безграмотностью заимодателя, но и противоречит закону. Оплата предыдущих долгов последующими кредитами представляет собой как раз ту самую пирамиду, за которую Сергей Мавроди садится уже второй раз. Так же поступали в

годы кризисов практически все государства. Спасая банки от разорений за счёт средств граждан, чтобы эти же граждане не потеряли вложенные в банки деньги. И так будет до тех пор, пока государства поощряют бесконтрольное укрупнение предприятий. Но, может быть, потребители имеют какие-то особые выгоды от того, что «Сбербанк» такой большой. Как бывший клиент этого банка могу сказать, что организация чрезвычайно бюрократическая, работники банка воспринимают себя не сотрудниками частного предприятия, а государственными чиновниками, прохождение любых документов занимает невероятное количество времени, а условия выдачи кредитов ничем не отличаются от других банков. Зато директору банка Грефу обед готовит французский повар. На это у большого банка денег хватает. Кстати, о компаниях с государственным участием в капитале. Россия, пожалуй, и здесь составляет исключение. Я уже упомянул о сотрудниках «Сбербанка», но это совсем не исключение и для других компаний с государственным капиталом. По какой-то неведомой причине все сотрудники подобных предприятия считают себя госслужащими, хотя, по сути, таковыми не являются и быть не могут. Мало того, государство ведёт себя в этих компаниях как полноправный хозяин и лишь подогревает в сотрудниках эту идею. Все предприятия, о которых я говорю: «РЖД», «ВТБ», «Алроса», «Газпром», уже упомянутый «Сбербанк» и т.п. по форме собственности являются акционерными обществами, то есть, обычными частными фирмами. Определённой долей в которых владеет государство. Отношения, сложившиеся у государства с этими предприятиями, приводят к ещё большему искажению конкуренции, которой и так в России не сыщешь днём с огнём.

Естественно, существуют отрасли, в которых без крупных предприятий не обойтись. Для России это, прежде всего, газовая и нефтяная добыча и переработка. Хотя, при умелом руководстве, и эти производства могли бы быть разделены на разрабатывающие, которые требуют больших капиталовложений, добывающие, которые могли бы быть как мелкими, так и средними, и перерабатывающими. Государство, допустим, могло бы заниматься разведкой запасов газа и нефти, продавая результаты своей работы мелким предпринимателям и т.п. Не говоря о массовых злоупотреблениях в торговле нефтью и газом, то, как сегодня организованы эти отрасли в принципе, уже привело к тому, что себестоимость российских природных ресурсов намного превышает цифры конкурентов. Если частный владелец одной буровой вышки в Сибири не сможет добывать нефть с той же эффективностью, как это делают нефтяные гиганты,

то, по крайней мере, он сэкономит большие деньги, идущие на содержание московских центральных офисов.

Большое везение России состоит в том, что в последние годы нефть и газ имеют высокую рыночную стоимость. Думать всерьёз, что так будет продолжаться долго, может только умственно отсталый, знать реальное положение вещей и продолжать делать по-старому может только тот, кто не собирается жить в этой стране долго. Видеть происходящее и не реагировать на это может только русский народ.

Ещё печальнее обстоят дела с тем, что в России носит название «естественных монополий». Само словосочетание содержит два взаимоисключающих слова: монополия не может быть естественной, так же как естественное не включает в себя такие образования как монополия. Монополия вообще является одним из самых гадких порождений рыночной экономики, поэтому назвавший её естественной либо лукавил, либо пытался замести следы. Тем не менее, так же как и в России, во многих западных странах электроэнергия, например, с самого момента её массового внедрения, как правило, находилась в одних

руках. Чаще всего в руках государства, ибо до последнего времени считалась стратегической отраслью. За последние тридцать лет мир сильно изменился, военная техника шагнула в космос, и угрозы локальных войн снизились настолько, что правительства многих стран перестали считать электростанции и линии электропередач стратегически важными объектами. Конечно, Россия и здесь занимает обособленную позицию, в связи с большим количеством террористической деятельности на её территории, однако, если подходить к решению экономических проблем в системе мер, то и угрозу терроризма можно снизить, если не уничтожить совсем. Одно из моих предложений на эту тему высказано в первой главе этой работы. Электроэнергетика сегодня в России находится в руках государственной монополии, это факт. Как предприятие, которым владеет государство, оно, по определению, не может работать эффективно. Как предприятие гигантских масштабов оно не мобильно и имеет слабую реакцию на изменения рынка. Как монополия оно диктует цены на свою продукцию, что не может устраивать потребителей, а как государственная монополия подчиняется в ценовой политике указам властей, что не может не вызывать недовольства в самой монополии. Получается монстр, без единого плюса с точки зрения современной экономики. Открытие конкуренции на рынке электроэнергии привело бы к быстрому обновлению оборудования предприятий отрасли, модернизации их работы, и, скорее всего, к снижению потребительских цен. Сегодня цены эти только растут, причём являются одним из решающих факторов размеров инфляции. Власти, с одной стороны, уверяют народ, что борются с инфляцией, а с другой — ежегодно повышая тарифы на энергию, сами же определяют её высокий уровень. Мировой рынок электричества переживает сейчас революционные изменения. Появляются альтернативные источники добычи энергии, которые уже завоёвывают себе место не только у частных потребителей, но и в промышленности. В Швеции, наиболее развитой в этом отношении стране, уже несколько лет

действует закон, по которому государство не только предоставляет льготы и помогает тем, кто устанавливает альтернативные источники питания для удовлетворения своих нужд в электроэнергии, но и закупает излишки выработанного гражданами электричества, организовывая забор излишков электричества за свой счёт. Хорошие идеи в развитых странах усваиваются с невероятной быстротой, поэтому вскоре каждое хозяйство в Европе будет не только обладать собственным электричеством, но будет ещё и его трейдером. Не пройдёт это и мимо России. Кому тогда станут нужны настроенные по всей России гигантские электростанции?

В России есть удачные примеры того, как громоздкие государственные нерентабельные предприятия или целые отрасли заменялись мелкими частными эффективными компаниями. Взять хотя бы «маршрутки», во многих местах заменившие городской транспорт. Конечно, и здесь не всё гладко, но в целом этот способ передвижения решил огромную государственную проблему в таких мегаполисах как Москва и Питер (про другие города просто знаю меньше, не так часто удаётся путешествовать). Подобные решения есть у каждой экономической задачи, стоящей перед Россией, главное — найти это правильное решение. Ну и чтобы власти не сопротивлялись.

Исходя из всего вышесказанного, единственным правильным путём для России в отношении экономики является глубочайшая диверсификация, разбор монополий («естественных» и менее естественных), разделение крупного государственного бизнеса на более мелкие части с последующей продажей некоторых из этих частей. Бояться потери эффективности России не следует, ибо и сегодня ни одно из российских предприятий не может ею похвастаться. Разбор монополий и предприятий-гигантов на мелкие части приведёт к появлению новых рабочих мест, повышению эффективности деятельности этих предприятий, к более равномерному развитию регионов России. Уже этого одного достаточно для того, чтобы это стоило сделать.

Ещё в 2008 году бюджет России был профицитным. Я и сам не очень понимаю, как такое возможно на практике, но с Кудриным не поспоришь! Страна, в которой до сего дня не решена ни одна социальная проблема, имела на бумаге 1,5 триллиона «лишних» денег в бюджете. Времена эти, к сожалению, прошли, и сегодня бюджет России можно назвать почти нормальным, то есть, он — дефицитный. «Почти» относится к тому, что дефицит его, что связано непосредственно с кризисом, слегка великоват. В ЕС, например, существует предел дефицита бюджета, не более 3%. В последние два года практически ни одна страна не смогла уложиться в эту цифру. Российский бюджет тоже составлялся с дефици-

том в 8-10%. Несмотря на это, Россия с упорством, свойственным определённом животному, никак не хочет составлять бюджеты только на следующий год. Каждый год обсуждаются, по крайней мере, планы на ближайшие три года, два последних из которых не просто корректируются в последующем, но каждый раз пишутся, практически, заново. Зачем нужно каждый год последовательно наступать на одни и те же грабли, знает один лишь Минфин. Летом 2008-го, например, Кудрин бодро информировал российских граждан о том, что профицит бюджета на 2009 год составит 3,7%, тогда как на 2010 и 2011 — 2,4 и 2,2 % соответственно. Сегодня мы все знаем, что дефицит бюджета 2009 года составил более 10%, и бюджеты 2010 и 2011 года были скорректированы также дефицитными. Тем не менее, в конце прошлого года обсуждался и принимался не просто бюджет 2011 года, а «федеральный бюджет на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов». Я даже не говорю о том, что на конец этого года намечены выборы в Думу, а на начало 2012 выборы президентские, и, соответственно, вполне вероятно, бюджеты следующих лет будут составляться и исполняться совсем другими людьми (с Божьей помощью!). Но сама экономическая жизнь подсказывает то, что максимальный срок прогнозирования не может превышать одного года. Застрял ли в головах российских правителей какой-то винтик из плановой экономики СССР, что они с таким упорством не желают этого замечать?

Власти называют бюджет России на 2011 год «социальным», хотя я так и не смог уяснить, что вкладывается в этот термин. Характерно, что, несмотря на обильное количество источников по теме бюджета в интернете, здесь невозможно отыскать простой и понятной для каждого гражданина графической схемы распределения доходов и расходов. Такие «пиццы» с процентными долями публикуются во всех известных мне странах. Не думаю, что отсутствие информации о бюджете в доступной форме в России — простая случайность. Составляя из разбросанных по тексту цифр какое-никакое единое целое, получается совсем иная картина, чем звучит в речах правительства на эту тему. Мало того, отчаявшись найти полные сведения в одном источнике, я перекопал практически весь размещенный в сети материал по теме, но быстро понял, что запутался в расчётах ещё больше. Например, ни в одном источнике полная сумма расходов бюджета (10,658 триллиона рублей) не составляется путём сложения затрат по отдельным пунктам. Причём расхождения не просто в несколько миллиардов, но в пару-тройку триллионов! Один источник даёт сумму затрат на оборону в 1,4 триллиона рублей, тогда как другой сообщает о сумме в 793 миллиарда. Третий источник утверждает, что «к 2013 году на оборону планируют тратить почти в два раза больше, чем в этом году, — 2,1 триллиона рублей». В свою очередь, премьер-министр Путин

в конце 2010 года заявил, что Россия потратит в ближайшие 10 лет на оборону сумму в 500 миллиардов долларов США, что как раз и составляет эти 1,4-1,7 триллионов рублей в год. В любом случае, затраты на оборону превышают расходы на здравоохранение (453,8 миллиарда) как минимум в два, а скорее всего и в три раза. На образование бюджет выделяет 495,8 миллиардов рублей, в то время как на национальную безопасность 819,8. Во всех источниках подчёркивается, что самой большой частью расходов бюджета являются расходы на «социальную политику» (2,9 триллиона рублей), и, по-видимому, это является причиной, по которой бюджет считается социальным, однако, с другой стороны, расходы в 2011 году в этой сфере уменьшаются на 400 миллиардов. К тому же, как мне удалось вычислить, в вышеназванную сумму вошли также расходы на здравоохранение, а остальные 2,3 триллиона — это «поддержка Пенсионного фонда». Получается, что бездарно работающий Пенсионный фонд, не справившийся с размещением поступающих в него денег, дотируется из государственного бюджета на сумму, превышающую все мыслимые размеры. При этом правительство громко заявляет, что деньги на это удастся собрать за счёт повышения ставок страховых взносов. Это означает, что стоимость рабочей силы в России в 2011 году возрастёт, что не позволит предприятиям увеличить зарплаты своим работникам. Часть прибыли действующих предприятий будет перераспределяться на затыкание дыр в бездарно работающем Пенсионном фонде. Что неминуемо приведёт к уходу части фирм «в тень», разорениям и закрытиям малых предприятий и к новой волне силовых решений по изъятию этих средств из частных компаний. Но ещё более страшное последствие этого решения — это экономическая апатия общества, когда предпринимательство не рассматривается как приносящая доходы деятельность, а плата за наёмный труд не удовлетворяет даже самых элементарных потребностей. Не лучше ли избрать тунисский вариант, где пенсий не платят вообще, вменив в обязанность совершеннолетних мужчин заботу о материальном положении старшего поколения?

Бюджет России содержит и вообще странные статьи расходов, о которых я не берусь судить, не имея российского экономического образования. Например, странной кажется статья «на национальную экономику», на которую планируется потратить аж 1,7 триллионов рублей. Если это инвестиции в развитие бизнеса, то они должны приносить доходы, которых не видно в доходной части бюджета, а если дотации, то зачем нужна такая «национальная экономика»?

Даже не вдаваясь в подробности этой и подобных ей других статей бюджета, от его социальной на-

правленности мало что остаётся. В глаза бросается то, что приоритеты государства выстроены на укрепление обороноспособности и безопасности, а также на «охлаживание» пенсионеров. Пенсии, конечно, платить нужно, если говорить серьёзно, с этим трудно поспорить, однако, не за счёт разорения остальной части населения. Средства, выделяемые государством на здравоохранение, образование, культуру и спорт в сумме не дотягивают до цифры, даже близкой к расходам на оборону. Это означает, что нынешняя власть не собирается воспитывать своих детей и внуков в этой стране, иначе она бы заботилась о том, кто будет их учить, лечить и развивать. Для целей сохранения порядка в стране подпитываются армия и органы правопорядка, а для выборов – пенсионеры.

Но может быть, бюджет просто не может быть иным? Объективно рассуждая, России в военном отношении никто не угрожает, и наличие уже созданных и оплаченных ядерных боеголовок способно охладить даже самые горячие головки потенциальных врагов Отечества. Однако в видимой перспективе таких врагов и не существует! Армия, в значении миллионов шагающих в сапогах молодых людей, тоже уже никому не нужна в оборонительном смысле. Так зачем же такие

массовые затраты на оборону?

Подробнее о мерах по сокращению расходов на оборону поговорим в главе «Армия и внешняя политика», а пока ограничимся лишь этим замечанием.

Терроризм? Но ведь теракты являются следствием бездарной внутренней политики нынешнего руководства страны. Путь для исправления масса, и любой из них может быстро нормализовать ситуацию. Решить проблему Северного Кавказа можно за один год! Россия же ведёт (случайно или намеренно) такую внутреннюю политику, что даже один из лидеров Татарстана, выступая по финскому телевидению, сказал, что Казань является колонией России, и поэтому татары живут плохо! Если такие настроения существуют в самом сердце России, то что уж говорить про окраины!

Расходы на национальную безопасность можно снизить практически до нуля, ибо национальной безопасности России не угрожает ничто и никто. Если признать, что оппозиция не угроза, а часть политического поля, то органам безопасности не останется работы вообще! Понимаю, как это трудно осознать российской власти. Астольф де Кюстин писал: «Шпион верит только в шпионство», поэтому, пока у власти будут «зелёные носки» расходы на безопасность вряд ли удастся значительно сократить. Но даже не урезая эти лакомые кусочки власти, в стране есть масса ресурсов для пополнения казны. За последние двадцать лет количество чиновников в России увеличилось в 10 раз. Даже в застойные советские годы в стране не было такого количества дармоедов. Армия чиновников сегодня составляет более 2 миллионов человек. Вернув положение хотя бы к ситуации последних советских лет, Россия могла бы получить ощутимую экономию. Увольнение 100 тысяч чиновников прибавляет казне 30-40 миллиардов рублей по самым скромным подсчётам и, естественно, без учёта коррупционной составляющей. Таким образом, Россия может заработать до 800 миллиардов рублей простым возвратом к нормальной занятости в госсфере.

Это лишь один маленький пример из массы подобных. Составление бюджета – работа хорошего экономиста. Составление целевого бюджета – работа политика. Составление социально ориентированного бюджета – работа учёного и патриота. К сожалению, над бюджетом России не работал ни один из них.

*Продолжение следует.
В следующем номере читайте:
Часть III. Идеология и религия.*

Russia XXI century.

Part II. Economics. 4. Budget and macroeconomics

Leo Kostylev, the president of IAPP, continues his study of modern processes taking place in Russia nowadays. This time he will focus on macroeconomics and in particular on the fact that the choice of western market model of the economy after the Soviet Union's collapse was the major mistake for Russia. It would be much more efficient to combine the best features of two economic models (Soviet's planning economy and western free market) into one powerful system. Leo Kostylev analyzes major shortcomings of the market economy in relation to Russian reality and talks about opportunities to break the deadlock.